

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-311.6

*Е. А. Беседина, А. А. Салтыков***ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ЭВОЛЮЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ
Й. В. ЙЕНСЕНА: ПЕРВАЯ ЧАСТЬ РОМАНА «ПОХОД КИМВРОВ»**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье определяется место первой части романа «Поход кимвров» — «Кимвры» — в рамках цикла «Долгий путь» (1908–1922) и в общем контексте творчества выдающегося датского писателя и поэта, нобелевского лауреата Йоханнеса В. Йенсена (1873–1950), рассматриваются ее исторические, художественные и философские основы. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: Йенсен, датская литература, поход кимвров, «Долгий путь», история Скандинавии, племена древних германцев.

INTERPRETATION OF HISTORY WITHIN THE EVOLUTIONARY CONCEPT OF J. V. JENSEN: THE FIRST PART OF “THE CIMBRIAN TRAIL”*E. A. Besedina, A. A. Saltykov*

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article aims to analyze the first part of “The Cimbrian Trail” — “The Cimbrians” — which is a part of the epic series of evolutionary novels “The Long Journey” (1908–1922) in the context of the literary work of the great Danish writer and poet, the Nobel Prize winner Johannes V. Jensen’s (1873–1950). The article is primarily focused on the historical, philosophical and compositional constituents of the novel. Refs 13.

Keywords: Jensen, Danish literature, Cimbrian trail, “The Long Journey”, history of Scandinavia, ancient Germanic tribes.

Работа над романом «Поход кимвров», который принадлежит перу нобелевского лауреата и признанного классика датской литературы Йоханнеса Вильгельма Йенсена (1873–1950), была завершена в 1922 г. Произведение входит в состав шестичастного эпического цикла «Долгий путь» (1908–1922) и следует за романом «Норне-Гест», являясь его хронологическим продолжением. При этом две последующие части цикла — «Корабль» и «Христофор Колумб» — были написаны до «Похода кимвров», в 1912 и 1921 гг. соответственно.

«Долгий путь» стал художественным воплощением основанной на эволюционном учении Дарвина культурно-исторической концепции писателя, в рамках которой он представляет скандинавский Север «колыбелью» человеческой цивилизации [1, с. 132–133]. Именно отсюда, по мнению автора, произошли люди, двигавшие цивилизацию вперед на протяжении всего долгого исторического пути развития

человечества. Таким образом, эпический цикл фактически является попыткой изобразить в художественной форме историческое развитие человечества в свете эволюционной теории. Йенсен был дарвинистом, и дарвинизм стал идеологической основой его творчества и мировоззренческой позицией. Человек — это часть природы, согласно эволюционному учению. Если природа развивается, то прогрессирует и человек.

Таким образом, Йенсен выбирает художественно-мифологическую форму повествования о том, каким образом человек, культура и общественный строй развивались в соответствии с законами природы, а следовательно, антропологический элемент играет существенную роль в формировании идеологического фундамента цикла.

Композиционное построение «Похода кимвров» сложнее, чем построение трех предыдущих звеньев. Роман состоит из двух во многом самостоятельных в сюжетном плане частей. «Кимвры», первая часть романа, — это описание жизни древнего германского племени, обитавшего на территории Ютландского полуострова, рассказ о его традициях, быте, религии, мировосприятии. Жители датской провинции Химмерланд, по мнению Йенсена, являются потомками и преемниками традиций древнегерманского племени кимвров. Сам писатель несколько раз принимал участие в археологических раскопках в Ютландии. Этот опыт позднее был им использован при создании первой части романа. Вторая часть, «Поход», по сути является историческим повествованием о нападении германцев на Рим. Здесь скрупулезным образом описывается ход военных действий, а также представлено художественное переосмысление причин итогового поражения германцев. Справедливым в данной связи представляется высказывание датского исследователя Л. Недергора. В книге «Йоханнес В. Йенсен. Жизнь и творчество» он пишет: «В романе “Поход кимвров” автору удалось в полной мере добиться слияния античности и северного духа и тем самым заполнить исторический период между романами “Норне-Гест” и “Корабль”» [3, s. 436].

Одним из центральных действующих лиц произведения вновь становится Норне-Гест, герой предыдущего романа-эпопеи. Образ мудрого старца, свидетеля и непосредственного участника смены исторических эпох и цивилизаций, опять оказывается в центре внимания. Датский литературовед П. Хоуэ в книге «Долгий путь Йоханнеса В. Йенсена» отмечает, что именно Норне-Гест является центральной фигурой в данном романе. Он, поясняет исследователь, — хранитель вечной истины, который становится очевидцем и соучастником судьбы кимвров, рассматривает ее через призму своей «философии жизни» [2, s. 91].

Исторические события, описанные в романе, происходили в конце II в. до н. э. Приблизительно в 120 г. до н. э. племена кимвров, тевтонов и амбронов стали перемещаться с севера Европы на юг до тех пор, пока не столкнулись с римлянами на Дунае. Следующее упоминание о древних германцах¹ относится к 113 г. до н. э., когда северным племенам удалось разбить римское войско при Норее. Переместившись в Галлию, кимвры в течение нескольких лет наносят сокрушительные удары римским легионам. Самым крупным поражением, которое заставило римлян собрать

¹ Несмотря на то, что большинство античных историков именуется кимвров германцами, многие современные ученые также допускают их кельтское или смешанное происхождение.

все свои силы для противостояния германцам², стала битва, произошедшая в 105 г. до н. э. при Араузионе. На Иберийском полуострове германцам дают отпор племена кельтиберов, а в 102 и 101 гг. до н. э. римская армия под командованием выдающегося полководца Гая Мария (157–86 гг. до н. э.) одерживает победы: сначала в битве при Аквах Секстиевых (район Южной Франции) — над тевтонами, а позднее в битве при Верцеллах — над кимврами (Северная Италия).

Действительно, в работах древнеримских историков Плиния Старшего (23–79 гг.), Веллея Патеркула (ок. 19 г. до н. э. — 31 г.) и Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), у древнегреческого философа и биографа Плутарха (ок. 46–127 гг.), историка Страбона (ок. 64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.) подробно повествуется о судьбоносной битве при Верцеллах между племенем кимвров и римскими легионерами, произошедшей в 101 г. до н. э. Именно это сражение на несколько десятилетий отсрочило новые нападения германцев на Рим³. Вместе с тем вторжения кимвров и тевтонов, в Южную Европу в конце II в. до н. э. впервые заставили римлян осознать мощь северных народов и ту угрозу, которую они представляли для северных границ Рима [7, с. 3].

В соответствии с общим замыслом цикла эта битва рассматривается как очередная веха в истории человечества, как событие, которое оказало существенное влияние на ее дальнейший ход. П. Хоуэ отмечает, что Йенсен изображает произошедшее, опираясь на археологические открытия (этим, в частности, можно объяснить стремление автора приблизить манеру повествования к научной), что тем не менее не умаляет художественного и поэтического начала в романе, которые находят воплощение в лирической любовной линии и антропологической идее о неминуемом возрождении старых традиций в новых поколениях [2, s. 91].

Норне-Гест, являвшийся центральным героем предыдущего звена эпопеи, в этой части изображается более дистанцированно от непосредственных событий произведения, но в то же время продолжает оставаться одним из главных сюжетообразующих персонажей. Он не просто сторонний наблюдатель, летописец исторических событий — он по-прежнему является их непосредственным участником: именно его многочисленные рассказы о дальних теплых странах вдохновляют кимвров на этот рискованный поход.

Философское наполнение произведения — это не только осмысление автором описываемых исторических событий, но также его размышления по поводу целого ряда общих проблем философии истории. Так, проблема влияния отдельной личности на развитие исторического процесса разворачивается на примере образов вождей кимвров Толе и Бойерика⁴ и образа великого римского полководца и реформатора армии Гая Мария. Эта философская тема является одной из магистральных в творчестве Йенсена в целом. К ней писатель обращался и ранее. Например, в романе «Падение короля» (1901) он проанализировал, каким образом амбиции одного человека — на этот раз датского короля Кристиана II — могут стать причиной падения

² К кимврам, тевтонам и амбронам за эти годы также примкнули германские племена херусков, маркоманов и тигурнов.

³ Кимврийская война (113–101 гг. до н. э.) подробно рассмотрена в работах ученых-историков М. Б. Шукина и В. Е. Еременко (см. [4; 5; 6]).

⁴ В исторической науке принято передавать имя этого вождя кимвров как Бойориг, в переводах же Йенсена и в настоящем исследовании его имя передается как Бойерик.

могущественного государства. Разработка этой проблематики занимает центральное место и в других романах «Долгого пути».

Вопрос о влиянии среды на формирование личности и рассмотрение генетически обусловленных качеств также представлены в философском контексте произведения. В данной связи в центре внимания писателя находятся вопросы деградации сформировавшейся цивилизации и цикличности исторического развития. Важное место в йенсеновском философском «пантеоне» занимает, кроме того, тема поиска счастья.

Повествование романа изобилует побочными сюжетами, которые придают ему выразительность, помогают создать многоцветное полотно художественного произведения. Сюжетная динамика достигается при помощи постоянной смены темпа повествования. Это характерная стилевая манера Йенсена. Наиболее важные фрагменты сюжетной линии описываются до мельчайших деталей, при этом события нескольких лет, менее важные для автора, могут быть представлены в конспективном виде. Таким образом основное внимание читателя фокусируется на значимых частях произведения. К подобному стилевому приему, как отмечает исследователь Л. Холстейн, писатель нередко прибегает как в прозе, так и в поэтических сочинениях [8, s. 47].

Действие в первой главе части «Кимвры» начинается с представления одного из центральных образов романа — странствующего скальда Норне-Геста. Автор не ограничивается описанием внешности героя, наделяя образ определенными психологическими и нравственными характеристиками уже в самом начале романа. Йенсен сравнивает Геста с различными животными и птицами, рассказывает о его жизненной позиции и убеждениях. Отдельное внимание писатель уделяет отношению Геста к людям и различным природным явлениям. Так читатель получает представление о ценностях и картине мира героя посредством авторского прямого комментария. В центре повествования вновь оказывается человек, не подвластный никому, кроме самого себя, — человек, окруженный и воспитанный природой, который одновременно пребывает и в постоянном противоборстве с ней. Все это находится в русле культурно-исторической концепции Йенсена, исследовавшего особенности различных народов, их культурные традиции, обычаи, образ жизни.

Характеризуя образ Геста, автор постоянно обращается к теме огня. Подобно Дренгу, герою романа «Ледник», Гест укрощает огонь, и вся его жизнь связана с огнем: когда догорит свеча его жизни, которая хранится у него с самого детства, он навсегда покинет эту землю. Огонь выступает в начале произведения как некая животворящая стихия, дающая силы герою для дальнейшей борьбы.

Тема огня, отношение героя к явлениям природы и даже сравнение его с различными животными и птицами — все это очень важно для создания атмосферы исторической эпохи, описанной в романе. Автор «вводит» читателя в мир той исторической реальности, для которой характерно мифологическое мировоззрение (см., напр., [9]), где место человека в мире определялось представлениями о героической славе, о неизбежности судьбы, в недрах которой постепенно зарождалось самознание народа.

...Огонь разгорался и скоро вспыхивал ярким пламенем. Шатаясь, Гест поднимался на ноги, но тоже скоро собирался с силами, словно рос вместе с огнем, согреваясь его теплом [10, с. 273].

В этом фрагменте образ героя дополняется его благодарственной песней. Следует отметить, что автор стилизует его песни, используя некоторые приемы скальдической поэзии: аллитерацию и корневую рифму. Подобные поэтические вкрапления, с одной стороны, создают лирический настрой, с другой — служат соотносению произведения с древней литературной традицией (в данном случае — с древнескандинавской). В то же время исторический период, отделяющий Йенсена (начало XX в.) от скальдической традиции (ее оформление принято датировать первой половиной IX в.) [11, с. 337], примерно такой же, как период, отделяющий скальдическую эпоху от описанных в романе событий конца II в. до н. э. Очевидно, что древнескандинавские литературные формы и приемы использованы здесь скорее для исторического декорирования текста, чем для указания на определенное историческое время.

Желая придать историческую достоверность своему повествованию, Йенсен дает четкие координаты места действия первой части романа — северная часть Ютландского полуострова. Писатель проводит экскурс в область географии и истории племен, издревле живших на этой территории:

...Ютландия с далеким-далеким мерцанием Лимфьерда и суши на другом его берегу с вершиной полуострова и с двумя морями, сливающимися там и обрушивающимися на мыс Скаген, как на острие шлема [10, с. 271].

...Уделом прежних поколений были высоты и видимые с них горизонты... нынешние жители обитали в долинах, в усадьбах, разбросанных на далеком расстоянии одна от другой и окруженных участками леса и лугов; срединные пустоши использовались сообща и были поделены между родами [10, с. 272].

В «Кимврах» ведется рассказ о людях, населявших северную часть Европы до новой эры и шагнувших, по мнению автора, на новый виток развития. В это время происходит формирование отдельных племен. Автор описывает новый общественный строй, характеризует особенности племенной жизни, рассказывает об отношениях между людьми: их быте, мировосприятии и религии. Вместе с тем уже в начале романа мы встречаем намек на события, повествование о которых будет вестись далее:

Ютландия еще в доисторические времена выслала много таких пестрых орд, неожиданно появившихся в разных местах Европы и оставлявших там о себе память более прочную, нежели в самой Ютландии; в будущем ей предстояло породить еще много таких выходцев [10, с. 269].

Основная сюжетная линия развертывается с момента появления скальда у кимвров. Символично время прихода Геста из южных стран в Ютландию. Весна — время новых начинаний. Именно тогда появляется Гест. Подходя к территории племени, герой встречает двух кимврийских всадников, которые провожают его до усадьбы Толе — главного вождя племени и старого друга Геста. Йенсен представляет портреты молодых воинов, детально описывает их поведение при встрече с героем.

Появление Норне-Геста, по-видимому, привело их в некоторое волнение, которое, однако, не выразилось ни в словах, ни в жестах; толстые губы их не дрогнули, на сморщенных от природы лбах не прибавилось новых морщин... [10, с. 278]

Примечательным является эпизод, когда перед отъездом в усадьбу вождя братья угощают скальда своим провиантом. Здесь автор, демонстрируя гостеприимство

кимвров, приводит одну из особенностей морально-этического кодекса древних германцев:

...скромная трапеза, которую они вкусили вместе, означала не простую еду — она означала, что пришелец стал гостем страны [10, с. 280].

Представления о сакральном значении общей трапезы были свойственны и кимврам. Ритуал совместной трапезы базируется на глубинных поведенческих механизмах социальной интеграции людей в разные формы сообществ⁵. Этот стереотип поведения является примером архаичного принципа коммуникации, расширяющего горизонт гостеприимства. Разделивший предложенное угощение не становился «своим», но переставал быть «чужим».

Во второй главе — «У Толе» — ведется рассказ о жизненном укладе кимвров. Повествование начинается с описания усадьбы самого Толе — «вождя и главного жреца своего народа» [10, с. 280]. Используя данные археологических раскопок в северной части Ютландии, автор воссоздает картину жизни племенной усадьбы II в. до н.э. Он показывает различные стороны жизни людей племени, ремесла, освоенные ими к этому времени. Примечательным является то, каким образом Йенсен изображает жизнь в усадьбе. Йенсеновское описание быта не статично. Наоборот, благодаря концентрации внимания на отдельных деталях оно становится ярким и осязаемым. Читатель как будто является случайным свидетелем событий. Авторское внимание переносится то в кузницу, откуда «доносится стук молота о наковальню» [10, с. 281], то в хлев, где слышится «мычание скотины», то во двор, где юноши соревнуются в стрельбе по щитам.

Выразительно представлено в этом фрагменте описание племенного быка. Именно ему будет суждено впоследствии стать прообразом Бронзового Тура — главной святыни кимвров. Бык становится аллегорическим воплощением силы северного племени. Не случайно можно найти много схожего в описаниях вождя, его сыновей и этого животного:

...медленно поводит он тяжелой угловатой головою... глаза у него опухли от сна... Волосы и брови нависли над темными затуманенными глазами с обведенными красным ободком белками, которыми он медленно вращает... толстый мясистый затылок давит голову книзу, крепкий лоб распух от массы костей и корней рогов... [10, с. 282].

Далее автор приводит описание самого вождя племени:

Старик был дородный, с бычьей шеей, кражистый и мускулистый... с вывернутыми красными краями век... [10, с. 286]

Очевидно, что Йенсен вновь обращает внимание на биологический фактор наследственности. Он рассуждает о том, что дикая свирепость передана быку его предками — зубрами и турами. Люди, жившие по соседству с предками быка, также переняли ряд их черт и в конце концов приручили древних животных. Автор продолжает развивать свою мысль, констатируя, что «свирепость... северян, выдавших зубра в этих долинах, отчасти еще давала себя знать их потомкам, унаследовавшим от них прирученного тура» [9, с. 283]. Данный фрагмент является очередной иллю-

⁵ Подробное рассмотрение см.: *Bammel F. Das heilige Mahl im Glauben der Völker. Gütersloh, 1950.*

страцией тезиса о том, что антропологический аспект играет одну из главных ролей в культурно-исторической концепции Йенсена, которая лежит в основе цикла⁶.

Толе радушно принимает Геста. Хозяин и гость долго беседуют, после чего отправляются в жертвенное капище, чтобы забрать оттуда главную племенную святыню. Толе и Гест решают отлить из бронзы статую тура и поместить в ее утробу старое божество кимвров.

Писатель представляет яркое описание древнего религиозного культа кимвров, а также приводит рассказ о зловещем жертвенном капище и его служительницах — гюдях. В натуралистической манере он изображает место жертвоприношений; не менее выразительны портреты самих гудей, жриц религиозного культа кимвров:

Древняя старуха поднялась навстречу пришедшим, вся сгорбленная и скрюченная, но живая, ее беззубый рот болтал без умолку, по-сорочьи, красные глаза были грязны, и все морщины на лице полны копоти, крошечная голова совершенно облысела, пальцы почернели и потрескались от вечной возни с огнем [10, с. 288].

Описание жертвоприношения у кимвров дал Страбон в своей «Географии»: «Передают, что у кимвров существует такой обычай: женщин, которые участвовали с ними в походе, сопровождали жрицы-прорицательницы, одетые в белые льняные одежды, прикрепленные на плече застежками, подпоясанные бронзовым поясом и босые. С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь навстречу пленникам, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду вместимостью в двадцать амфор, здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала горло каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадание, а другие, разрезав трубы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу» [12, с. 170–171].

Обращаясь к вопросу религиозного культа кимвров, автор приводит рассказ о золотом обруче, прикосновение к которому грозило моментальной смертью на костре. Здесь в очередной раз подчеркивается взаимосвязь огня и солнца, их магическое, священное значение для северного племени.

Рассказывая о главной святыне племени, маленьком деревянном болванчике, автор отмечает, что идол изначально являлся огнивом, которое с незапамятных времен передавалось из поколения в поколение в роду Толе; именно поэтому считалось, что «в нем таится молния, ослеплявшая каждого, дерзнувшего поднять взоры на божество» [10, с. 291].

Указанные черты религиозного культа кимвров свидетельствуют о большом значении традиционных элементов в их жизни, укладе. По наблюдению британского археолога и антрополога Х. Дэвидсон, некоторые из этих представлений и мотивов прочно «укоренились в сознании жителей Северной Европы. Возможно, именно благодаря этому, несмотря на то, что из разных концов ойкумены приходили новые веяния и способы поклонения богам, обитавшие здесь люди рано или поздно все равно возвращались к тем концепциям и ритуалам» [13, с. 171], которые существовали в еще более ранние времена.

В этой главе есть художественное ответвление от основного сюжета — рассказ о юноше-рабе, который проявил необыкновенный талант в гончарном деле. Имен-

⁶ Подробное рассмотрение культурно-исторической концепции писателя представлено в [1].

но ему удалось создать глиняную статую тура. Гест узнает, что раба зовут Кейрон и что он родом из Греции. Скальд долго беседует с рабом на его родном языке. Автор наделяет Кейрона всеми чертами, характерными для человека, несущего прогресс. Кейрон как бы переносит достижения античной (греческой) культуры на новую почву. При этом Йенсен особенно выделяет творческую натуру и трудолюбие героя, его стремление к совершенствованию. Место рождения Кейрона также значимо. Греция — исток европейской цивилизации и культуры — символично представлена здесь как далекая родина героя. Таким образом, благодаря его таланту, воплотившемуся позднее в творчестве, греческая культура пробьется новыми ростками в искусстве кимвров (статуя Тура) и Рима. А позднее, в результате смешения античной культуры и культуры кимвров, будет создана новая самобытная культурная традиция.

Норне-Гест замечает, что девушка Инге, молодая родственница Толе, часто приходит в кузницу, когда там работает молодой грек. В конце главы писатель рисует лирическую картину обреченной любви раба Кейрона и Инге, одной из самых знатных девушек племени:

...между ними вообще лежала непроходимая пропасть, и тем не менее они появлялись одновременно, и стоило одному силуэту скрыться, как вскоре исчезал и другой; бывают такие парные звезды, светящие на небе вдали друг от друга, но вместе заходящие за горизонт [10, с. 296].

В третьей и четвертой главах романа — «Гостя из дальних стран» и «Свадьба» автор представляет описание праздников, обычаев и обрядов кимвров. Центральным сюжетом третьей главы является рассказ о древнем обычае праздновать приход нового года встречей Майской невесты, которая по традиции выдается замуж за самого смелого и искусного воина племени. Четвертая глава посвящена описанию обрядов свадебных торжеств.

Как уже отмечалось, Йенсен проделал серьезную научную работу при написании эпопеи. Он исследовал целый ряд источников, работ по истории, антропологии и этнографии. Третья и четвертая главы романа иллюстрируют объем этой солидной работы. Описывая тот или иной обряд, автор нередко приводит несколько толкований его происхождения и значения.

Живописная картина встречи Майской невесты — символа рождающегося вместе с весной нового года — открывает повествование в этом фрагменте. Майской невестой года выбирают ту самую Инге. Чтобы подобрать для нее жениха, устраивается турнир: смельчак, который убьет разъяренного племенного быка, и станет ее мужем. Далее в мельчайших деталях рассказывается об особенностях этого древнего обряда, нашедшего спустя много веков воплощение в испанской корриде. Победителем становится один из самых смелых людей племени по имени Бойерик. Следующий фрагмент является красочной картиной традиционной кимврийской свадьбы.

Лейтмотивом центральной сюжетной линии проходит повествование о трагической участи раба Кейрона, который заточен в клетке и должен быть принесен в жертву вместе с другими шестью рабами сразу после окончания праздника. Здесь писатель выступает как настоящий мастер психологического портрета: он передает внутреннее состояние героя, ожидающего своей скорой кончины, на фоне всеобщего праздничного ликования. Следуя древнескандинавской эпической тра-

диции изображения переживаний героев, автор избегает их прямого описания. В этом отрывке Йенсену удастся усилить эмоциональное напряжение при помощи небольшой детали — природной зарисовки, свидетельствующей о быстротечности времени:

Остаток времени грек просидел праздно, молча, в глубокой горести... Он наблюдал налетевшую и умчавшуюся тучку. И на все, на все он смотрел в последний раз [10, с. 391].

Рассказывая о Кейроне, Йенсен снова обращается к рассмотрению его личных качеств. Он описывает поведение других приговоренных к смерти рабов, противопоставляя их страх перед смертью силе духа молодого грека. Стремление к творчеству, тяга к созданию прекрасного даже в последние часы жизни — главные характеристики этого персонажа.

Трагический фрагмент, описывающий обреченного на гибель раба, который вырисовывается на контрасте с описанием торжеств, создает многоплановость и напряженность повествования в этой части. Писатель разворачивает картину гуляний молодежи племени. Все купаются в реке, чтобы по традиции встретить чистыми новый год, пришедший вместе с весной. Молодежь прыгает через весенние костры, трактуемые здесь как прообраз солнца и воплощение жизни. Яркая, пластическая манера повествования, выразительность описания обрядов и культов племени кимвров дополняются культурологическими и антропологическими замечаниями и комментариями автора.

Важную роль в данном эпизоде также играют стилизованные поэтические вкрапления, которые придают повествованию фольклорный колорит. Одно из них — песнь Норне-Геста, которую он исполняет на пиру бондов⁷ в священном капище. Эта песнь становится иносказательным пророчеством дальнейших событий романа.

В пятой главе романа — «Кимврийский тур» — описываются события, которые происходили в течение недели после весенней свадьбы. Значительная часть фрагмента посвящена рассказу об изготовлении бронзовой статуи Тура — новой главной святыни племени кимвров, символа обновления языческого верования. Доскональное описание технической стороны процесса изготовления статуи сопровождается выразительным портретом кузнеца, выполнившего эту нелегкую работу. Таким образом, Йенсен вновь «оживляет» повествование при помощи яркого описания одного из второстепенных персонажей.

На протяжении романа автор время от времени использует риторические вопросы, обращенные к читателю. Вероятно, это своего рода компенсация отсутствия диалоговой речи в романах цикла. Подобный прием придает повествованию динамичность и стимулирует читательское внимание. Иллюстрацией такого своеобразного диалога с читателем может служить следующий короткий отрывок:

Что такое? Ах да, не все еще знают об этом. Но разве грека не заклали вместе с другими шестью вчера вечером? В том-то и дело, что нет; он убежал [10, с. 326].

Помимо описаний быта, одежды и обычаев, писатель обращается к религиозной символике кимвров, вновь подчеркивая первостепенное культовое значение солнца

⁷ Бонды — в скандинавских странах в Средние века свободные люди, имевшие свое хозяйство и не принадлежавшие к знати; свободные крестьяне.

и огня. Он вкладывает в уста Норне-Геста иносказательное пророческое повествование о конфликте между двумя молодыми людьми, который окончился смертью обоих, — своего рода аллегорическое предсказание исхода будущих столкновений кимвров и римлян. В этом фрагменте, кроме прочего, огонь представлен как некая символическая черта, разделяющая жизнь и смерть, отделяющая реальность от загробного мира:

...они лучше поладят между собою там, по ту сторону огня! [10, с. 332]

Также в пятой главе мы находим упоминание о кимврийском священном знаке вращения — огненном колесе. Этот знак в данном случае является не только символом таинственной всеобъемлющей стихии огня, но и символом постоянства: «неподвижная середина и непрерывное вращение» [10, с. 332]

Норне-Гест преподносит Майской невесте свадебный подарок — талисман: фигурку жука, высеченную из черного камня. В дальнейшем, во второй части романа, этот талисман сыграет важную роль в развитии сюжетной линии.

Включая в повествование сцены гуляний кимвров, описания народного вече — прообраза древнескандинавского тинга, праздничного торгога, писатель продолжает анализировать социальное развитие оседлого племени.

Первая часть романа завершается главой «Ведис». Здесь автор вновь обращается к философской теме взаимосвязи человека и природы. Он сравнивает временные периоды жизни человека со сменой времен года, показывает, каким образом меняется физическое и душевное состояние человека в зависимости от времени года.

Эти философские размышления подводят читателя к новому сюжетному витку — рождению у Инге и Бойерика дочери. Девочке дают имя Ведис, что означает «знающая» или «сведущая». Судьба ее определена с самого рождения: ей предстоит стать жрицей огня и вещей девой. Образ девушки-жрицы впоследствии будет центральным женским образом во второй части произведения. Сюжетная линия продолжается рассказом о первых годах жизни Ведис и ее братьев, их дружбе и первой потере: во время родов третьего ребенка их мать, юная Инге, умирает. Таким образом, первая часть романа завершается ярким, подробным описанием похоронного обряда кимвров. Умершую, согласно древнему обычаю, провожают на родину солнца — верховного божества племени.

Смерть юной Инге в финале первой части романа символична. Оседлое германское племя, молодое с эволюционной точки зрения, навсегда исчезнет с лица земли, выступив в южный поход, перейдя к кочевому образу жизни. Почти никому из кимвров не удастся вернуться на родину: некоторым из них суждено умереть на поле боя, а немногим выжившим уготовано римское рабство.

Вместе с тем для развития человечества, по мнению писателя, это столкновение стало очередным важным эволюционным витком. Ключевой составляющей культурно-исторической концепции является идея о взаимном обогащении и влиянии различных народов и культур. В данном случае безвозвратно исчезнувшее германское племя привнесло свою культуру в уклад Рима. Йенсен подчеркивает, что в глобальном историческом плане именно такие столкновения становятся катализатором эволюции человека и общества.

Композиционная завершенность первой части романа позволяет говорить о ее художественной целостности и самостоятельности. В то же время философская

проблематика и сюжетное развитие, намеченные здесь, во многом находят свое воплощение и осмысление во второй части произведения.

Литература

1. *Курриянова И. П.* Культурно-историческая концепция Й. В. Йенсена. Эпопея «Долгий путь» // Скандинавская филология (Scandinavica): межвуз. сб. Вып. V. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 126–136.
2. *Noie P. Johannes V. Jensens lange rejse — en postmoderne myte.* København: Museum Tusulanums forlag, 1996.
3. *Nedergaard L. Johannes V. Jensen. Liv og forfatterskab.* København: Det Schönbergske Forlag, 1993.
4. *Еременко В. Е., Шукин М. Б.* Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые загадки хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии истории латена и римского времени. СПб.: Научно-археологическое объединение «Ойум» ВМЦ, 1992. С. 80–115.
5. *Шукин М. Б.* Четыре загадки скифов и тевтонов // Знание — сила. 1993. № 4. С. 60–67.
6. *Шукин М. Б., Еременко В. Е.* К проблеме кимвров, тевтонов, кельтоскифов: три загадки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 34. 1999. С. 134–160.
7. *Todd M.* Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / пер. с англ. П. Ю. Чехонадской. М.: Центрполиграф, 2005.
8. *Holstein L.* Om sproget i Johannes V. Jensens bøger // Elbrønd-Bek B., Jørgensen Aa. Synspunkter på Johannes V. Jensen. Viborg: Akademisk Forlag, 1989. S. 43–49.
9. *Широкова Н. С.* Мифы кельтских народов. М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2005.
10. *Йенсен Й. В.* Долгий путь. СПб.: Азбука-Терра, 1997.
11. *Стеблин-Каменский М. И.* Труды по филологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. (Филологическое наследие).
12. *Страбон.* География // Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. / под ред. акад. С. Д. Сказкина. Т. 1. Раннее Средневековье. М.: Соцэкгиз, 1961.
13. *Дэвидсон Х.* Древние скандинавы. Сыны северных богов / пер. с англ. А. Б. Давыдовой. М.: Центрполиграф, 2008. (Загадки древних цивилизаций).

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2014 г.

Контактная информация

Беседина Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент; besedina70@mail.ru

Салтыков Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент; andrsalt@hotmail.com

Besedina Elena A. — Candidate of History, Associate Professor; besedina70@mail.ru

Saltykov Andrey A. — Candidate of Philology, Associate Professor; andrsalt@hotmail.com

Е. А. Беседина, А. А. Салтыков

КИМВРЫ И ДРЕВНИЙ РИМ: ВТОРАЯ ЧАСТЬ РОМАНА «ПОХОД КИМВРОВ» Й. В. ЙЕНСЕНА

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье определяется место второй части романа «Поход кимвров» — «Поход» — в рамках цикла «Долгий путь» (1908–1922) и в общем контексте творчества выдающегося датского писателя и поэта, нобелевского лауреата Йоханнеса В. Йенсена (1873–1950), рассматриваются ее исторические, художественные и философские основы. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: Йенсен, датская литература, поход кимвров, «Долгий путь», история Скандинавии, племена древних германцев, Кимврийская война.

CIMBRIANS AND ANCIENT ROME: THE SECOND PART OF “THE CIMBRIAN TRAIL” BY J. V. JENSEN

E. A. Besedina, A. A. Saltykov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article aims to analyze the second part of “The Cimbrian Trail”, which is a part of the epic series of evolutionary novels “The Long Journey” (1908–1922) in the context of the literary work of the great Danish writer and poet, the Nobel Prize winner Johannes V. Jensen’s (1873–1950). The article is primarily focused on the historical, philosophical and compositional components of the novel. Refs 10.

Keywords: Jensen, Danish literature, Cimbrian trail, “The Long Journey”, history of Scandinavia, ancient Germanic tribes, Cimbrian War.

Вторая часть романа «Поход кимвров» (1922) выдающегося датского писателя Йоханнеса Вильгельма Йенсена (1873–1950) озаглавлена «Поход». Фактически, равно как и первая часть «Кимвры», она могла бы являться самостоятельным произведением. Подобно первой части, она состоит из шести глав. Хронология глав хаотична, но они, несомненно, представляют собой единое художественное целое [1, s. 91]. В центре повествования — события, связанные с нападением кимвров на Рим, описание хода военных действий. Важно отметить, что в этой части не только дается историко-философское осмысление причин поражения древнего скандинавского племени, но и намечается историческая перспектива развития германских народов, оценивается их грядущая важная роль в процессе перехода от античной цивилизации к средневековой.

Глава «Наводнение» открывает повествование. На фоне трагических событий вынужденного переселения кимвров автор представляет характеристики трех персонажей романа, знакомых читателю по первой части: девушка-жрица Ведис, ее отец — грозный молодой вождь кимвров Бойерик и старый вождь Толе, уже утративший свою верховную власть в племени.

Глава начинается с рассказа о детских годах Ведис. Психологический портрет героини, описание ее страданий и грусти, ее светлой любви к покинутым братьям занимают здесь центральное место. Контрастность повествовательной манеры достигается в этом фрагменте при помощи внезапной смены лирической тональности эпической. Автор обращается к образам старого и нового вождей кимвров. Эти два героя представлены здесь в сравнении и противопоставлении друг другу. Писатель